

Максим Горький

О прозе



Максим Горький

О прозе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452185

Аннотация

«Прилагаемые заметки рассчитывают на внимание к ним со стороны товарищей литераторов и критиков. Заметки эти – результат долговременных наблюдений над процессом роста нашей литературы и, вместе с этим, – над процессом засорения её словесным хламом...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Максим Горький

О прозе

1

Прилагаемые заметки рассчитывают на внимание к ним со стороны товарищей литераторов и критиков. Заметки эти – результат долговременных наблюдений над процессом роста нашей литературы и, вместе с этим, – над процессом засорения её словесным хламом.

Мне кажется, что второй процесс принимает размеры угрожающие и что я обязан выступить с доказательствами этого факта. Почему – я? По праву квалифицированного работника с долголетним стажем в его «мастерстве» и потому ещё, что наша критика учит думать, но не учит делать. Я нахожу, что наша критика – недопустимо односторонняя. Занимаясь почти исключительно преподаванием социально-революционной педагогики, она не учит молодых литераторов мастерству. Если преподаватель архитектуры ограничится только преподаванием «Строительного устава», он не научит учеников строить. Он должен знакомить слушателей с учением о сопротивлении материала, о добротности его, о

¹ Впервые напечатано в альманахе «Год шестнадцатый». Альманах первый, М. 1933, и в журнале «Литературная учёба», 1933, номер 1. // Включалось в сборник статей М. Горького «О литературе». // Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с авторизованной машинописью (Архив А. М. Горького)

его болезнях и уродствах и т. д.

Основным материалом литературы является слово, оформляющее все наши впечатления, чувства, мысли. Литература – это искусство пластического изображения посредством слова. Классики учат нас, что чем более просто, ясно, чётко смысловое и образное наполнение слова, – тем более крепко, правдиво и устойчиво изображение пейзажа и его влияния на человека, изображение характера человека и его отношения к людям. Критика недооценивает значение слова как основного материала литературы; ниже я попытаюсь доказать, к чему это ведёт и как вредно влияет на молодых литераторов, позволяя им писать неряшливо, неосмысленно, даже безграмотно, а – в общем – с полным отсутствием уважения к читателю.

Полагаю, что следует сказать несколько слов о читателе в прошлом, а также и о правах современного, советского читателя.

Лет за сорок – за тридцать до наших дней, когда в литературу входили новички, люди моего поколения, читатель был крайне разнороден и неясен. Физически он, разумеется, ощущался как существо вполне реальное и человекоподобное, а психологически являлся существом загадочным. Литература и вообще искусство служило основной его духовной пищей; искусство же строения культуры занимало только его «ум и мечты», – практическое строительство запре-

щалось начальством, да кроме этого, большинство читателей не ощущало внутреннего стремления к строительству новых форм жизни. Читатель веровал, что процесс социальной эволюции – непрерывен, что капитализм – явление всё ещё прогрессивное и что если в безобразнейший и грязный хаос жизни постепенно вводить маленькие реформы, то всё пойдёт как по маслу в этом «наилучшем из миров». Вероятно так он, старый читатель, не перестал и по сей день, когда капитализм наглядно обнаружил свою дряхлость и цинически не скрывает реакционных намерений своих «прекратить эволюцию», повернуть жизнь в прошлое, назад века на два, на три. Но это, характерное для бывшего русского читателя, верование выяснилось только в свете марксистской критики действительности, а окончательно ясным стало лишь после Октябрьской революции.

В «доброе старое время» читатель относился к писателю благосклонно, снисходительно похваливал или порицал его и вообще «давал себя знать». Однако узнать и понять его истинное отношение к литературе было крайне трудно. Мешала этому всеядность читателя, – всеядность, которую он и наиболее красноречивые критики именовали «широкою мировоззрения». Эта широта считалась обязательной для всех приличных людей и оценивалась как главнейшее качество подлинного интеллигента. Это очень удобная для жизни штука – широта. Она обладает фантастической ёмкостью: будучи весьма сродной пустоте, она, в то же время,

не мешает «заблудиться в трёх соснах», например: я, мир, бог; или: я, любовь, омерть; или: я, народ, государство. Она является как бы складом различной старины, музеем изжитых, уже лишённых смысла, но всё ещё «красивых» фактов и анекдотов, она помогает не замечать в отжившем хламе того, что ещё живёт и требует уничтожения. Эта широта старого читателя похожа на облако, которое, не давая дождя, затемняет солнце. У многих она вызывала пресыщение «духовной пищей», и тогда из неё вытекают такие афоризмы, как, например: «Всё суета сует и томление духа», «Кто умножает познание – умножает скорбь», «Так было – так будет» и прочие подобные успокоительные премудрости.

Всеядный читатель ухитрялся гармонически сочетать в себе любовь к «Мёртвым душам» с любовью к «Дворянским гнёздам», интерес к Марксу с интересом к Ницше, восхищался Чеховым одновременно с Джеком Лондоном и т. д. Весьма часто казалось, что марксистом воображает себя герой «Обыкновенной истории» или Иван Карамазов, эсером – истерический братец его Митя, а через некоторое время знаменитые братья становились странно похожими на Илью Обломова. Так же нередко «полноценная личность» вызывала впечатление сборника кратких рецензий о книгах по иностранной и русской литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.